

Круглый стол, посвященный 85-летию со дня рождения Александра Павловича Огурцова: «Цивилизация и культура. Уроки истории — есть ли они?»

Модераторы: Ф. Н. Блюхер, С. С. Неретина

Выступали:

Неретина С. С. История как урок.

Блюхер Ф. Н. Почему история — плохой учитель?

Гурко С. Л. История между культурой и цивилизацией.

Макаренко В. П. Множество историй: опыт осознания.

Розин В. М. Уроки истории: модальности «закономерность», «сингулярность», «целое».

Рубцов А. В. Культура и цивилизация: связи и конфликт.

Троицкий Ю. Л. Управление историей: познавательный эффект исторических параллелей.

Неретина С. С. *Historia magistra vitae est.*

Выступления на круглом столе можно послушать в записи Института философии от 30 сентября 2021 г. Но авторы на темы выступлений написали статьи, которые мы здесь и публикуем.

История как урок

Неретина С. С.,
доктор философских наук, Институт философии РАН, Москва,
главный научный сотрудник, профессор, главный редактор журнала Vox,
abaelardus@mail.com

Аннотация: Изданная в 2000 г. наша совместная книга «Время культуры» обращала внимание на необходимость панорамного видения будущего. Принадлежащее перу А. П. Огурцова в ней относилось прежде всего к исследованию времени. Его понимание времени как времени *истории* вело к осознанию возможности такого видения, проявленного в Новое время, выдвинувшее идею единой хронологии и тем самым представившее единый мир. Это время, связанное не идеями, не Божественным Словом, можно назвать *временем цивилизации*, когда зародились антитеза «цивилизация — культура» и историческое сознание, при том, что история как дисциплина

рассматривалась только как описательная вероятностная наука. Огурцов поставил под сомнение идею конца истории, ибо понятая как *движущаяся, изменчивая* сила, она есть основание свободы и простора, которые и лежат в основании мира. Понятие предела остается для выражения *определенной* эпохи, но его нет для постоянной смены эпох, выражаемой через сломы и разрывы.

Ключевые слова: история, культура, цивилизация, слом, линейность, цикличность, время, специализация времени.

Одна из характерных особенностей философствования А. П. Огурцова заключалась в том, что он мог заниматься любой проблемой, умея развернуть к ней внимание, как бы возрождая ее. Собственно, это то, чем многие из нас занимаемся всю жизнь, доказывая самим вниманием к этим проблемам, что они исполняют многовековой завет, звучащий как «смертию смерть поправ». Даже если наши занятия не имеют удачи, даже если наши усилия — соринки в море других усилий, мы способствуем их жизни памятью о них, а история, по определению Цицерона, — это и есть жизнь памяти.

Лишившись собственно философских занятий в результате исключения из КПСС, после того как подписал письмо в 1968 г. в защиту арестованных литераторов А. И. Гинзбурга, Ю. Т. Галанскова и др., создавших «Белую книгу» по делу писателей А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, он стал социологом, написал словарь социологических терминов, к сожалению, не изданный; с 1971 г. по 1988 г. работал под началом Б. М. Кедрова в Институте истории естествознания и техники АН СССР, где занимался марксистским естествознанием, а с 1988 г., когда директором Института философии стал В. С. Степин, он в составе группы из тринадцати человек перешел в ИФ АН СССР (затем ИФРАН). Но и здесь, став сперва заведующим Отдела науки и техники и заведующим сектора этики и методологии науки, чем только ни занимался: дисциплинарной структурой науки, коэволюционной стратегией философии природы (вместе с Р. С. Карпинской и И. К. Лисеевым), современной российской философией науки (вместе с Е. А. Мамчур и Н. Ф. Овчинниковым), этнометодологией и этнографическим изучением науки, проблемами онтологии, проблемами науки и цивилизации, методологией науки В. Дильтея. Он был автором проектов сборников «Благо и истина», по педагогической антропологии, лингвокультурологии и пр. и пр., не говоря уже о собственных изданных книгах и о том, сколько проектов было рекомендовано и поддержано в РГНФ, где он несколько лет возглавлял философский отдел, сколько было инициировано проектов по изданию российских философов и сколько переводов сделал он сам (в том числе Э. Гуссерля). Его перу принадлежат 385 статей в различных энциклопедиях, в том числе в Новой философской энциклопедии. Интересно, что после составления словника и поисков авторов, которые могли бы написать те или статьи, он, если авторы не находились, не успевали к сроку или по каким-то причинам отказывались, оставшиеся бесхозными статьи писал сам. Его называли энциклопедистом, но это был «другой» энциклопедизм — не ради информации, набора сведений, а ради показа, как рождается вещь, поскольку вещь — это не просто нечто, но

нечто, уже происходящее своей собственной идеей. Его знания зашкаливали! Это понимали многие. Но сам он свободно общался с ними и сообщал их.

Павел Дмитриевич Тищенко, когда писал о В. С. Библере, назвал в свое время свое выступление на круглом столе, посвященном Библеру, а затем и статью о нем «Биография Библера как опыт радикального выбора себя». В ней он говорил о том, что «в его биографии одновременно присутствует и завораживающая цельность личности, и потрясающие по своей глубине разрывы. В. С. относился к тем редчайшим в этом мире людям, которые, отвечая на исторический вызов порой безжалостной и переменчивой судьбы, могли совершить радикальный выбор, или, точнее, пере-выбор себя».

У Александра Павловича такой перевыбор случился однажды: после 1956 г., когда в сознании холокост и ГУЛАГ совместились в некое «разное одно». Сознание такого перевыбора проявилось спустя десяток лет в том, что тогда или чуть позже было названо подписанием со всеми вытекающими последствиями.

В Керченском лапидарии на погребальном камне есть надпись: «Был, не был, никогда не будет». Надо было осмыслить это человеческое бытие и небытие. Дальше было участное неучастие в политике, поскольку выбор был сделан, засвидетельствован, и найдена критическая точка опоры, на которой он и стоял. Это был именно выбор: он об этом не говорил, не писал, он так жил.

Марксизмом занимался всерьез, хотя кто в то время им не занимался? Надо же было, наконец, понять то, что держало на цепи полвека... На этом была основана его дружба с М. Я. Гефтером, в то время возглавлявшим сектор методологии истории в Институте сначала истории АН СССР, а потом всеобщей истории. Гефтер пытался понять логику В. И. Ленина, но вместе и логику молодого и зрелого К. Маркса. Выпущенная этим сектором книга «Историческая наука и некоторые проблемы. Статьи и обсуждения»¹ настолько свидетельствовала о глубине этой задачи, что следствием ее публикации были, во-первых, появление большого числа молодых историков, сплотившихся вокруг Гефтера, а во-вторых, ликвидация сектора и переход некоторых сотрудников и молодых и немолодых друзей Гефтера, иные из которых (А. Д. Сахаров, А. Б. Рогинский) стали основателями историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», в оппозицию идеологическому официозу.

Вступление Александра Павловича в философскую жизнь совпало с хрущевской оттепелью, когда у многих философов (В. С. Библера, М. К. Мамардашвили, М. К. Петрова, Г. С. Батищева и др.) пробудился интерес к марксизму именно как к *философскому* направлению. В нашей совместной книге «Онтология процесса» параграф о Марксе написан Огурцовым. В нем оспаривается обычное понимание Марксом времени, как правило, сводящееся к социологическому измерению рабочего времени (времени труда) и свободного времени (времени досуга и восстановления рабочей силы), к уяснению их взаимоотношений. Для нашей темы это исследование времени у Маркса имеет важное значение, ибо оно показывает, что понимание именно времени как времени *истории* ведет к осознанию возможности создания проекта

¹ Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. — М.: Наука, 1969. — 429 с.

панорамного видения будущего. И это уже связано с нынешней темой истории и — уроков истории, *истории, которая понималась через перформативное высказывание. Собственно главной апорией было: сказал и тут же сделал. Мы с этим пока не работаем, но что за история без этого?* Не случайно, когда на нее в XVII–XVIII вв. поставили особый акцент, она началась с искусства историки, как поэтики.

По версии Огурцова, историческое время у Маркса переориентировано с понимания времени трудовой теории стоимости на *социальную философию* времени. Это вело к тому, что приравнивание разных видов труда друг к другу благодаря подчинению человека машине или через предельное разделение труда отодвигало человека на задний план. Качество труда перестает иметь значение, замещаясь количеством произведенных вещей, отделенных от личности человека. Вещи, человек в том числе, оказываются растворенными в моментах процесса, а сам процесс превращает разные формы предметности в общий поток, выступающий как новая действительность в ее вещной, косной реальности. Огурцов ссылается на высказывание Маркса из «Нищеты философии»: «Время — все, а человек — ничто; он, самое большее, только воплощение времени. Теперь уже нет более речи о качестве. Теперь одно количество решает все» [Маркс К., 1955, с. 47]. Соответственно, нет и не может быть никаких уроков истории, поскольку исчезает сама история. В том-то и вопрос, как понимать историю.

Заинтересованность Огурцова в разработке понимания времени была связана с интересом к Новому времени, выдвинувшему идею единой хронологии и тем самым представившему мир как одно целое. Это время обычно называют *временем цивилизации*, когда собственно зародились и антитеза «цивилизация — культура», и историческое сознание, при том, что именно в XVII в. история появилась как дисциплина, рассматривавшаяся как описательная вероятностная наука, руководствующаяся наукой историкой. Историка сродни поэтике. Такую историкку впервые написал голландский ученый-богослов и историк Г. Й. Фоссий, перевод которой публикуется в журнале *Vox*².

В этом смысле для Огурцова особый интерес представляла эпоха Просвещения — напряжением цивилизации и культуры, рационализма и антисциентизма создавшая особую *форму* философской мысли — сравнения, которая, конечно же, существовала и раньше, но теоретическое оправдание получила в это время. Собственно, здесь возникает оппонирование позиции, по которой цивилизация тождественна культуре, хотя любопытно, что термин «культура» придумал Цицерон, употребивший его для определения философии (*philosophia cultura animi*), но термина «цивилизация» у него нет, хотя в его республике действует *civis*, «гражданин», опирающийся на Римское право. Термин оказался родом из Англии в двух написаниях: *civilization* и *civilization*.

Этому посвящены две книги: собственная книга Огурцова «Философия эпохи Просвещения»³, через фокус которой прошли все концепции относительно прошлого и настоящего, испытанные, так сказать «на зубок», когда апробировались разные стратегии и разные логики мышления, в том числе идея прогресса и линейности истории, в основании которой лежала история человеческого разума и поиск путей, по которым общество развивалось от варварства к цивилизации (проект Нового времени), и наша

² См.: Фоссий Г. Й. Искусство историки, или Сочинение о природе историки и истории, с рекомендациями, как писать историю, — общие размышления // *Vox*. Философский журнал. № 23–32, 34.

³ См.: Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. — М.: ИФРАН, 1993. — 213 с.

совместная книга «Время культуры»⁴, предисловие к которой с демонстрацией теорий и определений культуры, цивилизации и истории писал он. Мысль о линейной истории, понятой как основание мира, прогресса, как *новой* истории, осознавшей все известное время как свое время, Огурцов рассматривал двояко. История, охваченная единой хронологией, но имевшая обособительные черты в каждом периоде и на каждой территории, опиравшаяся на право и прогрессивно развивающаяся, вбирающая в себя все, как тогда говорили, *могес*, рассматривалась через призму цивилизации. Историю же, несущую исчерпание своего развития, обеспечивающую конец себе, миру и человеку, ставящую под сомнение заявленную прогрессивность и понимающуюся через свои наивысшие достижения, Огурцов рассматривал через призму культуры. Но он поставил под сомнение возможность конца истории: если *движущаяся, изменчивая* история есть основание свободы и простора, то эти свобода и простор снимают ее ограниченность. Последняя, однако, остается для выражения *определенной* эпохи, выражая суть этой эпохи не столько через линейность или цикличность, сколько через сломы и разрывы.

Время так понятой истории, присущей только западноевропейскому, не восточному миру, равно проходящее и обывающее оба (или более) проявления исторического движения, оказалось способным утрачивать качественный, изменчивый характер: становясь континуумом, оно превращается в пространство. «Этот процесс, — пишет Огурцов, — можно назвать специализацией времени (от слова *space* — «пространство»), благодаря чему специализированное время становится измеримым, поддающимся рациональной калькуляции» [Неретина С. С., Огурцов А. П., 2014, с. 345]. Такое специализированное время и породило концепт конца и времени, и истории, забывший про те самые разрывы, которые ее образуют.

История — центральный момент сцепки «цивилизация — культура», где культура — «это особая стадия в жизни исторического организма», и одновременно она стремление к жизни, а цивилизация — заключительная стадия в судьбе культуры. Рассуждая об истории, внутри которой разворачивается драма культуры и цивилизации, Огурцов обращается к идеям О. Шпенглера, для которого морфология истории, т. е. сравнительный анализ исторических форм, «есть та единственно возможная философия будущего» [2, 2006, с. 166]. У Александра Павловича к Шпенглеру был особый интерес: тот выразил и свое, и его «собственное переживание одного из самых драматических, переломных моментов новейшей истории» [2, 2006, с. 165], когда европейский мир столкнулся внутри себя с возможностью утраты «той мощной формы бодрствования», что связана с европейской историей.

Для Шпенглера внутренней трагедией была Первая мировая война, для Огурцова — Вторая. События такого масштаба оказалось невозможно объяснить «логикой времени», отличной от причинно-следственной «логики пространства» [2, 2006, с. 166]. Александра Павловича это побудило к постановке проблемы взаимодействия двух логик, которые должны были прояснить картину будущего не только отдельной страны, но всего мира, хотя при этом центром его построения служит идея судьбы. Шпенглер говорил, что читателю эту идею трудно осознать. «Судьба и случай безусловно

⁴ См.: Неретина С. С., Огурцов А. П. *Время культуры*. — СПб.: РХГИ, 2000. — 344 с.

принадлежат совсем другому миру, нежели познание причины и действия, основания и следствия». И хотя понятие судьбы можно принять за другое обозначение причинности, но логически это проанализировать трудно — судьба и все, с нею связанное — время, тоска, жизнь, могут быть только «прочувствованы и пережиты» [2 (Цитата из О. Шпенглера), 2006, с. 166].

В мире истории нет никакой внешней причинности, нет общего закона. С помощью математических формул, под которые можно подвести природные явления, историю нельзя понять. Она предстает как «знак, выражение, обретшая форму душевность» [2, 2006, с. 166].

Потому познание истории — не наука, а, как говорил Шпенглер, «осознанное искусство». Вся мировая история — это «образ, создаваемый фантазией человека. Она существует лишь для тех, кто способен осознавать себя в масштабе не только своей личной жизни, настоящего, но столетий и тысячелетий, кто, короче, обладает памятью и воображением и, следовательно, обостренным чувством времени» [2 (Цитата из О. Шпенглера), 2006, с. 167]. История — то, что свойственно европейскому человеку Нового времени. «"Всемирная история" — это *наша* картина мира, а не картина "человечества"». И «всемирная история», и «человечество» — для Шпенглера, открывающего эпоху европейской новой истории, это пустые слова. Если их устранить из исторического анализа, то откроется богатство действительных форм. На историческом ландшафте может обнаружиться много разных, неповторяемых одновременных культур — живых организмов⁵.

В истории концепций культуры Нового времени всегда сосуществовали две альтернативные ориентации — 1) на рост, прогрессирующее развитие, на *бесконечность пространства* и 2) на круговорот, постоянное возвращение, каждому из которых соответствует разное переживание времени. В собственной философии Огурцова видение проблем означало видение того, как собираются факты в те или иные конstellации. Потому он действительно осознавал себя в масштабе не только своей личной жизни, но столетий с обостренным чувством времени. Потому довольно-таки неожиданно возникший скорее лозунг, нежели проблема, «не тронь историю», а он возник при его жизни, расценивался им более как явление новой *неисторической*, т. е. не основанной на истории, парадигмы, оперирующей *историческими* терминами (новые еще не возникли). А выраженное при этом желание *учиться у истории* (якобы всегда сопутствующей однозначно понятому патриотизму, традиционализму, вере в освоенные и всем одинаково присущие ценности) вылилось в статью «Поражение философии». Этим и вызвано было желание провести круглый стол на тему «История — учительница жизни — есть ли она?».

Огурцов, повторю, был противником идеи конца истории. Он считал историчной речь, язык, любое высказывание, которое «представляет громадные возможности для осмысления скрытой в нем темпоральности» как определенной трактовки времени [Неретина С. С., Огурцов А. П., 2014, с. 46], явленной не только через имена и глаголы, но и через предлоги и частицы [Неретина С. С., Огурцов А. П., 2014, с. 45]. История есть

⁵ Специально на проблеме культуры, понятой как живой организм, я останавливаться не буду. Отсылаю читателя к книге С. С. Неретиной и А. П. Огурцова «Время культуры» (с. 67–75) и к главе 14 «Морфологическая типология культур О. Шпенглера», написанной Огурцовым в книге «История культурологии».

в любом (европейском) обществе, хотя может не быть его центральным понятием, замещенным терминами «цивилизация» и «культура». Процессуальность, последовательность, линейность времени, где один конкретный момент следовал за другим конкретным моментом, «схватывалась» специализацией времени, где все эти конкретные моменты оказывались вместе, он и называл онтологией процесса.

Он прекрасно понимал, что мы вступаем в иное (иное будущее, иную эпоху, иное, может быть, летосчисление). Потому задачей своей сделал концентрацию всех сил (философских, исторических, социологических), словно для броска в это иное. Собирал скарб. Сейчас — у всех почти все опубликовано: у Библера, почти все у Мамардашвили, Щедровицкого, всех тех, кто составлял философский фундамент России второй половины XX в. и начала XXI в. Но вот что интересно: перевозникает интерес именно к марксистским основаниям. И у нас, и на Западе, не к идеям, возникшим после марксизма. Потому надо было не растерять не востребованное, помня о том, что к 1740 г., когда Вольтер стал популярен, дело Просвещения (идеи) закончилось, но сами эти идеи стали популярными лишь потому, что сами они стали популяризоваться. Стало быть, многие идеи нашего времени станут и известны, и интересны, когда дело дойдет до их популяризации. Хотя, как говорил Августин, *время изменилось*. Сейчас популяризаторское знание остается разве лишь на канале «Культура». Правда, если все же базироваться на Веке Просвещения, то надо понять, что популяризаторы высочайшего класса появились во Франции, в то время как сами идеи — в Англии. Так что неизвестно, где наше слово отзовется. Но «собирать скарб, то есть самое ценное» оказывается необходимым, чтобы показать двойственность и нашей — конца XX в. — эпохи, не ограничиваясь ее неким «средним» — В. Ойттинен называет таковым марксизм⁶.

Вопросы: Так какой урок истории? И у какой истории надо учиться, ибо есть различные виды истории, как в учительской.

Ответ: Я бы сказала: в учительской собираются учителя разных предметов, не знающих, что говорит другой. Мы часто не читаем друг друга. Но я о другом вела речь. Об истории, которая предполагает всякий раз — если уж пользоваться школьными терминами — обновление от предрассудков и канонов, как бы заново открывающее мир. Это имел в виду Огурцов, не соглашавшийся с идеей конца истории, ибо это означало бы прекращение открытия.

Литература

1. Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. — М.: Наука, 1969. — 429 с.

2. История культурологии: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / под ред. А. П. Огурцова. — М.: Гардарики, 2006. — 383 с.

⁶ См.: Ойттинен В. Что такое философская культура? // Вох. Философский журнал. — 2018. № 24.

3. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К. и Энгельс Ф. Собрание сочинений в 55 т. Т. 4. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955.
4. Неретина С. С., Огурцов А. П. Время культуры. — СПб.: РХГИ, 2000. — 344 с.
5. Неретина С. С., Огурцов А. П. Онтология процесса. — М.: Голос, 2014. — 724 с.
6. Огурцов А. П. Философия науки эпохи просвещения. — М.: ИФРАН, 1993. — 213 с.
7. Ойттинен В. Что такое философская культура? // Vox. Философский журнал. — 2018. № 24.
8. Фоссий Г. Й. Искусство историка, или Сочинение о природе историка и истории, с рекомендациями, как писать историю, — общие размышления // Vox. Философский журнал. № 23–32, 34.

References

1. *Istoricheskaia nauka i nekotory'e problem sovremennosti. Stat'i i obsuzhdeniya* [Historical science and some of the problems of our time. Articles and discussions]. Moscow: Nauka, 1969. 429 p. (In Russian.)
2. *Istoriya kulturologii* [History of cultural studies], ed. by A. P. Ogurtsov. Moscow: Gardariki, 2006. 383 p. (In Russian.)
3. Marx K. "Nishcheta filosofii. Otvet na "Filosofiiu nishchety" gospodina Prudona" [Marx K. Poverty of Philosophy. Answer to the "Philosophy of Poverty" by Mr. Proudhon], in: Marx K. i Engels F. *Sobraniiie sochinenij* [Complete Works], Vol. 4. Moscow: Publishing house polit. lit-ry, 1955. (In Russian.)
4. Neretina S., Ogurtsov A. *Vremia kultury* [Culture time]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000. 344 p. (In Russian.)
5. Neretina S., Ogurtsov A. *Ontologia protsessa* [Process ontology]. Moscow: Golos, 2014. 724 p. (In Russian.)
6. Ogurtsov A. *Filosofia nauki epohi Prosveshcheniia* [Philosophy of the Enlightenment]. Moscow: Institut filosofii RAN, 1993. 213 p. (In Russian.)
7. Oyttinen V. *Chto takoe filosofskaia kultura* [What is philosophical culture]. Vox. Philosophical Journal, 2018, vol. 24. (In Russian.)
8. Fossii G. *Iskusstvo istoriki ili Sochinenie o prirode istoriki i istorii s recomendatsiiami, kak pisat' istoriiu, — obshchie razmyshleniia* [Ars historica sive de historiae et historices natura historiaeque scribende praeceptis commentatio]. Vox. Philosophical Journal, vol. 23–32, 34.

History as a lesson

Neretina S. S.,
DPhi, Institute of Philosophy of Russian Academy of Science,
Chief Scientific Researcher, Professor, Chief-editor of journal "Vox",
abaelardus@mail.com

Abstract: Our joint book "Time of Culture" published in 2000 drew attention to the need for a panoramic vision of the future. Belonging to the pen of A. P. Ogurtsov, it referred primarily to the study of time. His understanding of time as the time of history led to the realization of the possibility of such a vision, manifested in the New Time, which put forward the idea of a single chronology and thereby presented a single world. This time, connected not by ideas, not by a Divine Word, can be called the time of civilization, when the antithesis "civilization — culture" and historical consciousness were born, despite the fact that history as a discipline was considered only as a descriptive probabilistic science. Ogurtsov questioned the idea of the end of history, because understood as a moving, changeable force, it is the foundation of freedom and spaciousness, which lie at the foundation of the world. The concept of a limit remains for the expression of a certain epoch, but it does not exist for the constant change of epochs, expressed through breaks and breaks.

Keywords: history, culture, civilization, scrapping, linearity, cyclicity, time, spatialization of time.